

Максим Горький

Букоёмов, Карп Иванович

Максим Горький
Букоемов, Карп Иванович

«Public Domain»

1905

Горький М.

Букоёмов, Карп Иванович / М. Горький — «Public Domain»,
1905

«В душный сумрак камеры сквозь мутные стёкла окна падает солнечный луч, – Букоёмов лежит на нарах кверху лицом, смотрит, как в золоте луча тихо кружится пыль, лениво летают мухи, и, может быть, думает о быстрых полётах ласточек и стрижей в голубой бездне небес...».

Максим Горький Букоёмов, Карп Иванович

В душный сумрак камеры сквозь мутные стёкла окна падает солнечный луч, – Букоёмов лежит на нарах кверху лицом, смотрит, как в золоте луча тихо кружится пыль, лениво летают мухи, и, может быть, думает о быстрых полётах ласточек и стрижей в голубой бездне небес...

Махин и Шишов сидят на корточках около старика и молча играют в шашки, сделанные из мякиша чёрного хлеба, а Хромой, сидя у окна, чинит рубашку и вполголоса гнусаво поёт:

Просидела день без дела,
Капитал свой весь проела...

В такт своей однообразной песне он тихо постукивает в пол тяжёлой и грубой деревяшкой, заменяющей ему левую ногу, отрезанную у колена.

– Не можешь ты играть, Махин! – с презрением говорит Букоёмов. – Ходи налево, Шишов!

– Я знаю, – наклоняясь к шашкам, отвечает Шишов сиплым голосом.

Мил дерётся, коль не сыт,
Сытый милый только спит...

– грустно тянет Хромой.

– Тьфу! – плюётся Букоёмов. Песня надоела ему; она, точно скрип пилы, неприятно сверлит уши.

Старик недружелюбно повёртывается в сторону Хромого и молча смотрит в его лицо – бледное, чистое, овальной формы. Небольшая окладистая борода, вместе с длинными волосами тёмного цвета, делает Хромого похожим на молодого священника. Его чёрные глаза смотрят всегда сосредоточенно и спокойно, говорит он мало и почти никогда не смеётся. Сосланный в Сибирь на вечное поселение за поджог, он трижды уходил с места ссылки в Россию. Второй раз он дошёл только до Перми, поступил там в сторожа на железной дороге и спокойно служил более полугода. Но однажды ночью на станцию пришли воры, ударили его кистенём, он свалился и, лёжа без памяти, отморозил себе ногу. В больнице узнали, что он беглый, приделали ему деревяшку на место отрезанной ноги и возвратили в ссылку. Хромой ушел в Россию снова, – теперь его поймали уже в Калуге.

Много измерил земли этот человек, много, должно быть, он видел и слышал, но – не нашёл он на земле песни, более приятной ему, чем эта песня:

Я бы бросила его,
Да нет на свете никого...

От его небольшой, красивой фигуры веет затвердевшим упрямством, в глазах застыл какой-то холодный блеск, У старика Букоёмова пропадает желание помешать ему петь, он медленно поворачивает голову, смотрит в потолок и сквозь зубы говорит:

– Однако скушно с вами, анафемы...

Крепкий, румяный красавец Махин напряжённо сморщил лоб, прикусил нижнюю губу и, не отрывая карих глаз от шашек, угловатыми, судорожными движениями руки молча двигает их по нарисованным на нарах квадратам. Шишов играет осторожно, он долго думает над каждым ходом, сильно трёт лысину, двигает рыжими бровями, сделав ход, облегчённо сопит

и с достоинством гладит спутанную бороду. Он толстый, круглый, и лицо у него тоже толстое, красное...

– Оба вы плохо играете! – решительно заявляет Букоёмов и тщательно крутит папиросу.

Я пошла бы к своему краю,
Да родилась где – не знаю!

– тихонько выводит Хромой.

– А этот всё скулит, как голодный пёс на цепи, – угрюмо двигая седыми бровями, говорит Букоёмов.

Ему не отвечают.

В коридоре – смутный гул, – он всё ближе подвигается к двери камеры. Это – староста разносит подавание – калачи, баранки, яйца.

Кто-то визгливо сквернословит, и слышен хриплый голос:

– Пара, две, три...

– Ты! Куда суёшь руку? Мало тебе, сволочь?

Букоёмов курит, смотрит острыми глазками на конец папиросы, и его угловатое, точно железное, лицо – темно и неподвижно. Серые и голубые струйки дыма путаются в седой бороде, вползают на голову, сливаются с жёсткими волосами сивого цвета – старик весь серый, точно большой обломок скалы. Ему уже за шестьдесят лет. Но у него целы все зубы, волосы его густы, движения сильны, голос твёрд и ясен. Ловко носит свою одежду, кандалы не стесняют его: на ходу они у него звенят как-то особенно – негромко и легко. Он солиден, любит чистоту, порядок, в нём много старческой красоты и чувства собственного достоинства.

По его словам, первый раз он был приговорён на каторгу двадцати шести лет за двойное убийство и грабёж. С дороги он бежал и три года с лишком занимался разбоем; был пойман и осуждён на Сахалин без срока. Отбыв девять лет, он снова бежал и снова занимался «своим делом» почти пять лет. Его поймали во второй раз, но в Сибири он «сменился», с год прожил в Тобольской губернии как поселенец, потом пришёл в Россию, а теперь – после целого ряда убийств и грабежей – он снова возвращался на Сахалин, где его ждала бессрочная каторга и кнут...

– Хромой! Ступай, прими подавание, – говорит он тоном старшего.

Хромой поднимает голову, смотрит на него, кладёт рубашку на подоконник и шагает к двери, покачиваясь с боку на бок. Тупо стучит его деревяшка, и вздрагивают волосы на голове.

– Готова! – довольным голосом кричит Шишов, потирая свои пухлые руки, поросшие красной шерстью. Махин виновато улыбается, бережно, собирает шашки и высоким тенором, который не идёт к его сильной, стройной фигуре и вьющимся, чёрным, как у негра, волосам, говорит Шишову:

– Ты больно долго думаешь, а я не думаю! Я сразу играю...

– Дурак! – кратко говорит Букоёмов. – Хорошие однако люди... у одного – нога деревянная, у другого – башка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.